

Он много понимал и мало обольщался

Умер Анатолий Злобин, прозаик и очеркист, человек яркого характера, блестящего остроумия, парадоксального ума, удивительно распутивавший хитросплетения нашего времени. Мы с ним дружили полвека, с Литературного института, куда он пришел сразу после войны, на которой был контужен и ранен, однако никогда своих фронтовых подвигов не расписывал, а однажды, еще при Сталине, когда мы ночью готовились к экзаменам, огорошил меня, тихо сказав:

— Все-таки сохраняю надежду, что ни одного немца я не убил.

Примерно тогда же я услышал от него: «Легче всего уничтожить богатство, но почти невозможно уничтожить бедность».

Его формулировки были отточены, как стихи. Очень рано, гораздо раньше всех нас, своих сокурсников, он очень многое понял и не слишком обольщался мало заметными, весьма робкими и кратковременными переменами оттепели. В своем, по жанру как бы военном, романе «Самый далекий берег» (1962) он, хотя и в иносказательной форме, все ж таки объяснил, что коммунизм и фашизм близнецы-братья и, чтобы у маловерных не осталось сомнений, дал нашим и немцам одни и те же фамилии (например, наш офицер Войновский, а немецкий — Кригс). Его проза была отмечена той же печатью своеобразия, что и его личность: Злобина занимала психология не отдельного человека, а всего государственного аппарата подавления человека, психология бюрократии. В романе «Демонтаж», который он писал два десятилетия, а напечатал лишь в перестройку еще с купюрами и даже заменами (так Лубянка в журнальном варианте вынужденно называлась

Голубянской), он показал, что сталинизм сталинскими методами не уничтожить и оказался прав.

Отзывчивый, мудро-беззлобный, он был необыкновенно любопытен ко всем проявлениям жизни. Очеркистом он тоже стал не случайно, поскольку хотел изобразить действительность именно такой, какой ее видел своим острым, глубоко проникающим взглядом. Более полувека ежевечерне он записывал в толстые большого формата блокноты (объемом не меньше двадцати печатных листов каждый) все события, случившиеся за минувший день, и свои мысли по поводу этих событий. Таких блокнотов у него накопилось девяносто пять. От конкретных мелких наблюдений он, благодаря укрупненному взгляду на время и государство, приходил к большим обобщениям. Один из таких рукописных томов, посвященный квартирной одиссее, я прочел залпом, как детектив, и при этом хохотал, как в цирке, печалился, как в классическом романе, и, хотя сюжет и обстоятельства были мне известны, меня не покидало чувство, будто в издавна знакомом доме я вдруг обнаружил потайную дверь.

Перестройка в отличие от оттепели обольстила Злобина открывшимися возможностями: он ринулся в общественную и в издательскую деятельность. В первой вскоре разочаровался, а вторая, хоть он в ней и добился известных успехов, все же, как мне кажется, принесла ему больше разочарований, чем радости...

Однако надеюсь, в нашей стране когда-нибудь все утрясется, и, очнувшись, мы наконец-то станем жить как люди и читать книги. Тогда-то и придет пора злобинским девяноста пяти блокнотам, лишь в микроскопической дозе опублико-

ванным несколько лет назад еженедельником «Новое время».

В последний раз я видел Анатолия Злобина в реанимационной палате. Обмотанный трубками, он прохрипел:

— Теперь напишу роман, как два дня был на том свете.

До последнего часа он прежде всего оставался писателем.

Сегодня, когда жизнь продолжает выкиды-Сергей БОРИСОВ

вать безумные кульбиты, мне особенно не хватает Анатолия Злобина. Мой вечный шахматный партнер, он прямо-таки по-гроссмейстерски просекал подобные позиции, видел их причины и последствия и находил неординарные решения.

Прощай, Толя. Думаю, с тобой все будет в порядке и твоё время еще наступит.

Владимир КОРНИЛОВ

